

Москва, 16–19 июня 2021 г.

Animacy in the use of anaphoric and demonstrative pronouns in Russian and French

Alexander Letuchiy

HSE University

Moscow, Staraya Basmannaya st., 21/4
alexander.letuchiy@gmail.com

Elena Nikishina

HSE University

Moscow, Staraya Basmannaya st., 21/4
helene_nikichina@mail.ru

Abstract

The article focuses on the role of animacy in Russian and French pronominal systems. Although animacy is a grammatical category only in Russian, while in French it is not reflected in the behavior of nouns, it turns out that some animacy-based restrictions on the use of anaphoric and demonstrative pronouns are common for the two languages. We address syntactic restrictions that affect the following types of uses: (i) use of anaphoric pronouns in copular constructions; (ii) repetition of anaphoric pronouns for the sake of clearness and / or emphasis; (iii) deictic use of anaphoric pronouns; (iv) anaphoric use of demonstrative pronouns. In all the four cases, except, perhaps, the fourth one, pronouns tend to have an animate referent, while inanimate ones are more problematic. We conclude that these restrictions mainly result from the fact that animate objects have a greater discourse importance and more often become the main subject of the discourse than inanimate ones. At the same time, degree of strictness of restrictions sometimes differ between the two languages: for instance, demonstrative pronouns in the anaphoric use tend to have an animate antecedent in Russian, while for French, this tendency is weaker.

Key words: Russian; French; animacy; pronouns; pronoun repetition; copular constructions; anaphoric uses; deictic uses

DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-464-472

Роль одушевлённости в употреблении анафорических и указательных местоимений в русском и французском языках

Александр Летучий

Национальный исследовательский
университет

Высшая школа экономики

Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
alexander.letuchiy@gmail.com

Елена Никишина

Национальный исследовательский
университет

Высшая школа экономики

Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
helene_nikichina@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждается роль одушевлённости в системах местоимений русского и французского языков. Хотя только в русском одушевлённость является грамматической категории, а во французском она не отражается в морфологии существительных, выясняется, что местоимения в двух языках подпадают под параллельные друг другу ограничения на употребления. Мы рассмотрим данные следующих типов: (i) употребление анафорических местоимений в связочных конструкциях; (ii) конструкции с повтором анафорических местоимений; (iii) дейктические употребления анафорических местоимений; (iv) анафорические употребления дейктических местоимений. Во всех этих случаях, кроме отчасти последнего, существенно легче употребляются местоимения с одушевлёнными референтами. Мы делаем вывод, что эти ограничения в первую очередь связаны с большей дискурсивной значимостью одушевлённых участников по сравнению с неодушевлёнными. В то же время строгость ограничений в двух языках не всегда совпадает: тенденция к употреблению русского указательного местоимения *celui* с одушевлённым антецедентом в русском явно сильнее, чем параллельная ей во французском.

Ключевые слова: русский язык; французский язык; одушевлённость; местоимения; конструкции с повтором; связочные конструкции; анафорические употребления; дейктические употребления

1 Введение

Наша работа посвящена роли одушевлённости в русской и французской системах местоимений. На первый взгляд, основание для сравнения здесь довольно зыбкое, потому что одушевлённость занимает разное положение в системах двух языков. В русском она является полноценной грамматической категорией (см. [Klenin 1983], [Grannes 1984], [Крысько 1994] о складывании этой категории): с одной стороны, она выступает как словоклассифицирующая для существительных, с другой, проявляется в их склонении:

(1) *Я увидел стол / быка.*

Как и род, падеж и число, одушевлённость используется при согласовании прилагательных, причастий и местоимений-прилагательных:

(2) *Я увидел большой стол, стоявший в углу.*

(3) *Я увидел высокого человека, стоявшего в углу.*

(4) *Поговорим про твой дом.*

(5) *Поговорим про твоего дядю.*

Как многие грамматические категории, грамматическая одушевлённость не всегда стопроцентно совпадает с семантической. Рассмотрим примеры (6) и (7), в которых показано, что одну и ту же команду можно назвать «Зенит» и чемпион России. Несмотря на то, что референт у этих выражений один, первое (как все названия команд) является грамматически неодушевлённым, а второе (как весь ряд обозначений статуса команды, таких как лидер, чемпион, бронзовый призёр, претендент на золото, соперник и т.д.) — одушевлённым:

(6) *Армейцы в предыдущем туре премьер-лиги обыграли «Зенит».* [Антон Сычев. ЦСКА разгромил «Анжи» в гостях // Известия, 2014.03.24]

(7) *Динамо unexpectedly обыграли чемпиона России со счетом 1:0.*
[Шунин призвал фанатов «Динамо» сильно не радоваться победе над «Зенитом».
https://www.gazeta.ru/sport/news/2020/08/27/n_14852929.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop]

В отличие от русского языка, во французском для существительных не существует грамматического различия по одушевлённости. Что же касается системы местоимений, то они во французском языке как раз чувствительны к одушевлённости антецедента, хотя оппозиция по одушевлённости реализуется лишь в определённых контекстах и только в позиции косвенного объекта (см. обсуждение данного противопоставления в Grevisse & Goosse 2008):

(8) *Tu dois répondre à tes parents — Tu dois leur répondre* ‘Ты должен ответить своим родителям — Ты должен им ответить’

(9) *Tu dois répondre à leurs lettres — Tu dois y répondre* ‘Ты должен ответить на их письма — Ты должен на них ответить’

(10) *Je pense à mon ami — Je pense à lui* ‘Я думаю о своем друге — Я думаю о нём’
(при одушевлённом косвенном объекте).

(11) *Je pense à mon projet — J’y pense* ‘Я думаю о своем проекте — Я думаю о нём’
(при неодушевлённом косвенном объекте).

- (12) *Il s'occupe de ses enfants — Il s'occupe d'eux* 'Он занимается своими детьми — Он занимается ими'
- (13) *Il s'occupe de ses papiers — Il s'en occupe* 'Он занимается своими документами — Он ими занимается'

Стандартным способом оформления объекта во французском языке являются местоимения-клитики ряда *le, la, les, lui, leur* (см. Black 1982, Wust 2010 об их распределении и линейном расположении). Однако данные примеры показывают, что одушевлённость влияет на способ оформления: при данных глаголах при одушевлённых непрямых объектах используется местоимение-клитика *leur* (8) или сочетание предлога с ударным местоимением (10), (12), а при неодушевлённых — специализированные местоимения *у* (заменяющее группу с предлогом *à*) и *en* (заменяющее группу с предлогом *de*). В то же время сами авторы книги [Grevisse, Goosse 2008] отмечают, что распределение способов маркирования по одушевлённости может нарушаться под влиянием определённых стилистических и прагматических факторов: приводятся примеры типа (14), где местоимение *у* отсылает к одушевлённому участнику:

- (14) *C'est un homme équivoque, ne vous y fiez pas.*
'Это неоднозначный человек, не доверяйте ему'.

Целью настоящей статьи является показать, что, несмотря на все различия, частные ограничения на одушевлённость референта, существующие в русском и французском языках, в ряде случаев параллельны друг другу. Заметим, что ранее некоторыми авторами (например, Летучий 2015, Циммерлинг 2020) уже указывалось, что характеристика по одушевлённости не сводится к противопоставлению типов склонений, а распадается на два или несколько грамматических противопоставлений.

Оставшаяся часть статьи организована следующим образом. В части 2 обсуждается роль одушевлённости в ограничениях, которые налагаются в русском и во французском на употребления анафорических местоимений. Часть 3 продолжает анализ тех же местоимений, но уже в их действительных употреблениях. В части 4 кратко анализируется вклад одушевлённости в употребление указательных местоимений. В заключении (часть 5) подводятся итоги работы.

Используемые в работе примеры взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и с сайтов, найденных поиском в системе Google. Некоторые французские примеры были переведены или оценены нашей информанткой, носителем французского языка Неж Рошан, кроме того, используются примеры и их оценки, данные в исследованиях и учебных пособиях по французскому языку. Кроме этого, отдельные русские примеры, не иллюстрирующие ключевых утверждений, построены авторами. Оценки русских примеров получены интроспекцией и, в ряде случаев, опросом информантов, при этом данные оценки могут показаться дискуссионными.

2 Ограничения на употребление анафорических местоимений

2.1 Ограничение 1. Употребление местоимений в связочных конструкциях

Первое из рассматриваемых ограничений характеризует связочные конструкции. Для русского языка речь идёт о конструкциях с нулевой связкой (ниже НС). В целом НС сочетается и с одушевлёнными, и с неодушевлёнными субъектами:

- (15) *Иван Куринной — опытный фотограф...* [коллективный. Фотополигон // «Русский репортер», № 48 (78), 18–25 декабря 2008]
- (16) *Баку — красивый, вальяжный город на берегу моря.* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]

Однако если субъект выражается анафорическим местоимением, то в некоторых конструкциях с НС (как правило, в тех, где вторая часть является именной группой)¹ это местоимение в норме относится к одушевлённому референту (**ограничение 1**). Для неодушевлённых возможно почти исключительно выражение субъекта с помощью указательного местоимения *это* (см. о его употреблении Падучева 1985):

- (17) *Он человек, близкий к гениальности, он красивый человек.* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]
- (18) *??Я много раз был в Пятигорске. Он красивый город.* (ср. нормальное *Это красивый город*).

В НКРЯ практически не обнаруживаются примеров, где местоимения ряда *он*, употреблённые в связочной конструкции, сочетались бы с неодушевлённой именной группой. Немногочисленные примеры выглядят стилистически маркированными: в примере (19) из «Театрального романа» более типичным и нейтральным было бы употребление конструкции *Это чужой мир*. А пример (20), возможно, несколько архаичен.

- (19) *Я в него не пойду. Он — чужой мир. Отвратительный мир!* [М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937)]
- (20) *У Достоевского народ хорош не потому только, что он простой народ и бедный народ, а потому, что он народ верующий, православный.* [К. Н. Леонтьев. Достоевский о русском дворянстве (1891)]

Сходное ограничение наблюдается и во французских конструкциях с глаголом-связкой *être*. Как правило, если субъект выражен анафорическим местоимением, оно имеет одушевлённый антецедент. Если антецедент неодушевлённый, обычно используется указательное местоимение *ce*:

- (21) *Je connais Jean depuis longtemps. Il est une personne extraordinaire. / C'est une personne extraordinaire.*
‘Я давно знаю Жана. Он замечательный человек. / Это замечательный человек’.
- (22) *??J'aime Nice. Elle est une belle ville* (ср. нормальное *C'est une belle ville*).
‘Мне нравится Ницца. Она красивый город’ (ср. нормальное ‘Это красивый город’).

При этом указательное местоимение *ce* допустимо и при одушевлённых, и при неодушевлённых референтах, ср. *C'est une personne extraordinaire*.

2.2 Ограничение 2. Употребление в конструкции с повтором референта

Ещё одно общее для двух языков ограничение связано с некоторыми конструкциями с повтором референта. Так, французская эмфатическая конструкция с повтором местоимения более естественна, когда референт местоимения одушевлён:

- (23) *Lui, il avait envie d'aller au cinéma* ‘Ну а он хочет пойти в кино’.²
- (24) *??Lui, il a été acheté chez le bouquiniste* ‘Ну а она была куплена у букиниста’ (например, о книге).

¹ Легко заметить, что конструкции, где после связки следует не именная группа, а прилагательное, не подпадают под это ограничение: примеры вида *J'ai apporté des pommes. Elles sont bonnes* ‘Я принес яблоки. Они вкусные’ приемлемы, в противоположность примерам типа *??Elles sont de bons fruits* ‘Они хорошие фрукты’.

² В данном примере в разговорной речи возможно даже опущение местоимения-подлежащего: *Lui avait envie d'aller au cinéma*, в этом случае нестандартное оформление подлежащего имеет тот же выделительный эффект.

В русском языке полностью параллельной французской конструкции нет. Однако если референт сначала выражается местоимением, а затем поясняется с помощью полной именной группы, в этом контексте одушевлённые референты тоже несколько уместнее неодушевлённых:

- (25) *Он, старый, поселковский бухгалтер, прожил много лет и много на своем веку поездил.*
[Владимир Маканин. Утрата (1984)]
- (26) *??Он, старый чемодан, давно уже без дела стоял в углу.*

Ограничения 1 и 2, видимо, объясняются сходным образом. Для **ограничения 2** естественнее всего дискурсивное объяснение: в дискурсе одушевлённые референты более значимы, чем неодушевлённые, именно они в первую очередь подвергаются выделению и являются наиболее естественными заполнителями для конструкций с двойным выражением референта, которые делают участника более значимым (см. [Kibrik 2011]). Для **ограничения 1** объяснение менее очевидно, но можно предположить, что при отсутствии связочного глагола (русский) или полнозначного глагола (французский) местоимение приобретает особую выделенность — в клаузе нет выраженного глагола, который с большой вероятностью был бы наиболее выделен интонационно и в смысловом отношении. Именно для одушевлённых референтов естественно такое выделенное положение местоимений (см. также обсуждение противопоставления слабых и сильных местоимений в Cardinaletti, Starke 1999, Testeletts 2003).

3 Ограничения на дейктические употребления местоимений

Ещё одно ограничение касается уже не анафорических, а дейктических употреблений местоимений. В отличие от рассмотренных выше контекстов, данное ограничение по-разному проявляется в русском и во французском. Русское местоимение *он / она / оно / они* имеет, как известно, не только анафорические, но и дейктические употребления. В этом случае ((28), (29)) говорящий указывает жестом на объект, о котором говорит, а в предшествующей коммуникации этот объект не встречается. При этом местоимение в дейктическом употреблении выделено интонацией и/или несёт специфические маркеры указания типа *вот* (28) или *вон*. В примере (27) дополнительно указывает на дейктическое употребление положение местоимения *его* перед глаголом *спросить*.

- (27) *Не веришь, его спроси, — указывая на Потапенко, отвечал Каландадзе.* (А.Ф, Ростов.
Первые гвардейцы-танкисты. http://nkosterev.narod.ru/vov/mem_2/rostk_34.html)
- (28) [Ипполит (Юрий Яковлев), муж, 47, 1928] *ботиночки на тонкой подошве/ вот он знает.*
Он всё знает. [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром,
к/ф (1975)]

Употребление *он / она / оно / они* в дейктической функции почти всегда связано с одушевлёнными участниками. Реплика с указанием типа (29) выглядит странно, если говорящий указывает на неодушевлённый объект:

- (29) *??Ты ведь мебель хотел покупать? Купи (вот) его* (указывая на стол).

Во французском языке основные анафорические местоимения: *il, elle, ils, elles, la, le, les, lui, leur* — не имеют дейктической функции. В частности, это связано с тем, что они не могут, в отличие от ряда *он* в русском языке, нести на себе интонационное выделение³. Дейктическую функцию принимают на себя специальные конструкции и маркеры: например, сочетание анафорического местоимения с частицами с адвербиальным значением *là* и *ci* (при этом *ci* употребляется значительно реже).

³ Это относится, конечно, к прилагательным местоимениям (*pronoms conjoints*), а не к ударным (*pronoms toniques* — *lui, elle, eux, elles*), которые ведут себя во фразе более автономно.

Носитель французского языка, владеющий русским, переводит примеры типа *Ты ведь машину хотел продать? Продай ему* [реплика сопровождается указательным жестом или акцентным выделением], *он как раз хочет купить* или *Ты хотел знать, что посмотреть в Киеве? Спроси его* [указательный жест или акцентное выделение], *он как раз оттуда приехал*, используя сочетания частицей *là*. Примеры без этой частицы он считает неграмматичными в дейктическом значении:

(30) *Demande(-le) à lui-là / Demande(-le) lui à lui-là*.⁴

(30') #*Demande(-le)-lui*.
'Спроси (это) вот у него [указательный жест]'.

(31) *Vends-la (lui) à lui-là*.

(32) #*Vends-la-lui*.
'Продай (её) вот ему [указательный жест]'.

При этом в сочетаниях с *là* действует ограничение на одушевлённость, похожее на русское. Дейктические употребления такого рода невозможны для неодушевлённых объектов — ср. примеры (33) и (34), где местоимения занимают позицию прямого дополнения: первый из них (с одушевлённым референтом) возможен, а второй (с неодушевлённым референтом) носитель считает сомнительным:

(33) [Ты думаешь, кого позвать на День рождения?] *Invite lui-là / #Invite-le*.
'Пригласи вот его [указательный жест]'.

(34) [Ты хотел купить фрукты?] ??*Achète lui-là / #Achète-le*.
'Купи вот его (например, арбуз) [указательный жест]'.

Для неодушевленного референта в этом контексте используется другая местоименная стратегия — указательное местоимение *ça* или *celui-là*:

(34') *Achète celui-là / Achète ça*.

Данные ограничения ещё более объяснимы, чем рассмотренные в части 2 ограничения на анафорические употребления. Стандартно дейктические местоимения выделены в дискурсе — они не имеют текстового antecedenta, поэтому к их употреблению необходимо привлечь внимание, чтобы интерпретировать их правильно. Одушевлённые объекты в целом сильнее выделены, чем неодушевлённые.

Кроме того, одушевлённые объекты в глазах говорящих хорошо дифференцированы друг от друга. Неодушевлённые объекты хорошо представляются как единая масса — не случайно для них возможны указательные конструкции типа *Возьмите вот это Prenez ça*, где *это* может указывать и на один, и на несколько предметов.

4 Немного об указательных местоимениях

Выше мы говорили только об основных для каждого из языков анафорических местоимениях: о ряде *он / она / оно / они* для русского и о местоимениях *il / elle, le / la* и т.д. для французского. Скажем кратко о другом типе местоимений — указательных: русском *тот* и французской паре *celui-ci* и *celui-là*. При этом, подобно тому, как анафорические местоимения могут употребляться указательно, верно и обратное: местоимения, у которых главное употребление — указательное, могут употребляться с текстовым antecedentом, то есть анафорически.

⁴ Во втором варианте примера (30) не прямой объект, видимо, получает дополнительное выделение, поскольку выражен и местоимением-клитикой *lui*, и предложной группой *à lui*. Однако в данной статье мы не рассматриваем отдельно этот тип конструкций.

Местоимение *tot* может употребляться и как субстантив (аналог именной группы), и как адъектив (модификатор именной группы). В адъективном употреблении *tot* допускает и одушевлённые, и неодушевлённые антецеденты, ср. *Я был в том городе, Я знаю того человека*. Однако в своём анафорическом субстантивном употреблении (см. о нём в работах [Крейдлин, Чехов 1988], [Подлеская 2020] и др.) *tot* сочетается почти исключительно с одушевлёнными антецедентами, как в (35). Исключения типа (36) встречаются и грамматически приемлемы, однако довольно редки.

- (35) *После смерти тверского князя Михаила Ярославича, основавшего город, Старица досталась в удел одному из его четырех сыновей, а тот в свою очередь завещал ее своему сыну Семену...* [М. Б. Бару. Таракан на канате // «Волга», 2016]
- (36) *Иномарка от неожиданности вздрагивает, начинает гудеть и останавливается. За ней — фура, а ту подпирает уже вся колонна, проделавшая по пыли, грязи и колдобинам долгий путь.* (<https://zavtra.ru/blogs/2011-11-1553>)

Во французском языке наиболее близка по функциям к местоимению *tot* пара местоимений *celui-ci* и *celui-là*. Если они употреблены вместе, в контексте противопоставления, то они указывают на два объекта, в разной мере удалённые от говорящего и слушающего. Например, в пространственном контексте (37) *celui-ci* обозначает близкий к участникам коммуникации объект, а *celui-là* — более удалённый.

- (37) *Mets les fleurs dans les vases, les roses dans celui-ci et le jasmin dans celui-là.*
‘Поставь цветы в вазы, розы в эту, а жасмин в ту’.

Эти употребления никак не ограничены одушевлённостью референтов и могут относиться и к одушевлённым, и к неодушевлённым именам. Однако нас будет интересовать другое, анафорическое употребление, где употребляется одиночное местоимение.

- (38) *En ce qui concerne le protocole sanitaire, celui-ci reste inchangé!*
(<https://www.instagram.com/competencesco/>)
‘А что касается эпидемиологического протокола, он остается без изменений’.

По-видимому, у анафорического употребления указательных местоимений есть некоторая тенденция к одушевлённости референта, как в (39) (она отражается и в том, что в грамматических исследованиях и учебных пособиях на данные местоимения обычно приводятся примеры с одушевлённым антецедентом). Однако она явно менее заметна, чем для русского *tot*: примеры с неодушевлёнными объектами, к которым относится анафорическое *celui-ci* в значении ‘тот, последний’ (ср. (40)), без труда находятся в Интернете, хотя примеров с одушевлёнными референтами явно больше.

- (39) *...Emmanuel Macron a enjoint au président brésilien Jair Bolsonaro de respecter l'Accord de Paris sur le climat. En retour, celui-ci [Болсонару] a mis en scène son mépris pour le « premier monde »*
(<https://www.lexpress.fr/...>)
‘... Эмманюэль Макрон призвал бразильского президента Жаира Болсонару соблюдать Парижское климатическое соглашение. В ответ тот [Болсонару] выказал презрение к странам «первого мира»’.
- (40) *...une jeune femme s'indigne d'avoir été sanctionnée d'une amende de 135 euros à cause d'un tract, qu'elle dit avoir « ramassé par terre ». Celui-ci se trouvait dans la poche arrière de son pantalon.* (<https://www.liberation.fr/checknews/2020/09/15/...>)
‘... молодая женщина возмущается наложенным на неё штрафом в 135 евро за листовку, которую она, по её словам, «подняла с земли». Она лежала у неё в заднем кармане штанов’.

Объяснение асимметрии, существующей в русском, может крыться в выделенности участников: тяготение *tot* к одушевлённым контекстам (и сходную, хотя и слабую, тенденцию в случае *celui-ci*) можно объяснить большей дискурсивной выделенностью одушевлённых участников.

Когда эти местоимения начинают функционировать как анафорические, они прежде всего закрепляются за наиболее важными для коммуникации участниками, являющимися её основной темой. Как правило, таковыми являются именно одушевлённые участники, поэтому именно они стандартно являются antecedентами *tot* и *celui-ci* в значении ‘он, последний’.

5 Заключение

В данной статье мы рассмотрели ограничения на употребление русских и французских местоимений. Как выяснилось, хотя в грамматической системе двух языков местоимения занимают разное место, в обоих языках их функционирование подпадает под ряд ограничений, связанных с одушевлённостью.

Ограничения накладываются на различия между системами местоимений двух языков. В частности, во французском языке анафорические местоимения употребляются дейктически только при наличии специальных маркеров, а в русском это не обязательно. Однако в обоих системах дейктические употребления ограничены, в основном, одушевлёнными референтами.

В некоторых случаях ограничения различаются по степени жёсткости. Как было показано выше, местоимение *tot* в анафорическом употреблении довольно сильно тяготеет к одушевлённым antecedентам, а для французского *celui-ci* эта тенденция слабее.

Наблюдаемые ограничения объясняются, в основном, различными дискурсивными свойствами одушевлённых и неодушевлённых референтов. Во-первых, одушевлённые объекты гораздо чаще, чем неодушевлённые, являются основной темой высказывания или текста и в гораздо большей мере способны нести на себе выделение. Во-вторых, одушевлённые объекты лучше индивидуализируются, неодушевлённые же скорее могут представляться как нечленимая масса и часто обслуживаются местоимениями типа *это*, не дифференцированными по числу референтов.

Кратко скажем о теоретической значимости наших результатов. Описанные нами асимметрии не объясняются и в русле подхода Я. Г. Тестельца (2003), ориентированного на различия между адьюнктными и аргументными группами. Тестелец утверждает, что в русском существуют не классы слабых и сильных местоимений, а «слабые позиции» — адьюнктные позиции в предложных и именных группах. Тем не менее, рассматриваемые нами контексты явно не относятся к слабым — местоимения в них допустимы, ограничения затрагивают лишь те из них, которые имеют неодушевлённые референты (antecedенты). Следовательно, предпочтительна трактовка в терминах А. Кардиналетти и М. Штарке (1999), которые считают, что противопоставлены сами местоимения с одушевлённым antecedентом (сильные) и с неодушевлённым (слабые). В то же время и этот подход не безупречен: он сталкивается с проблемой исчисления контекстов. Наши ограничения не относятся к ядру класса контекстов, описанных в [Cardinaletti, Starke 1999]: он включает сочинительные конструкции, модификацию местоимений адвербиалами (типа *даже* или *только*) и др. Учёт наших контекстов потребовал бы сильного дробления языковых данных: пришлось бы считать, например, что контексты с нулевой связкой и прилагательным в предикатной позиции не различают сильные и слабые местоимения (ср. *Он ещё молодой / ещё свежий*), а контексты с нулевой связкой и именной группой в предикатной позиции различают (*Он хороший человек / *хороший город*).

Поэтому мы предпочитаем считать, что двух по-настоящему противопоставленных синтаксических классов местоимений в русском всё-таки нет. На поведении местоимений сказываются дискурсивные особенности одушевлённых и неодушевлённых объектов и связанные с ними особенности именных групп и местоимений с одушевлёнными и неодушевлёнными референтами. В силу того, что речь идёт не о двух классах местоимений, а о влиянии на местоимения дискурсивных свойств, это влияние градуально и связано со свойствами конкретных конструкций: например, в конструкции типа *Он ещё свежий* местоимение *он* допустимо, в частности, потому, что прилагательное *свежий* требует слова, с которым бы согласовывалось по роду и числу (*он*), тогда как в **Он хороший город* этого требования нет, и местоимение *он* неприемлемо, в отличие от *это*, снижающего дискурсивную выделенность субъекта. При этом различия в дискурсивной выделенности одушевлённых и неодушевлённых референтов приводят к грамматическим запретам или хотя бы ограничениям тогда, когда конструкция предполагает сильную выделенность участника, выраженного местоимением.

Благодарности

Мы выражаем благодарность участникам конференции Groupe d'Études en Linguistique Textuelle Contrastive (GELiTeC) (Форли, Италия, проводилась онлайн, 13-15 мая 2021 г.), в частности, Ольге Иньковой, Златке Генчевой, Ольге Артюшкиной, Малгожате Новаковской за интересные вопросы и плодотворную дискуссию. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЧНФ в рамках научного проекта № 20-512-26004 (The reported study was funded by RFBR and GACR, project number 20-512-26004).

Литература

- [1] Black James R. (1982), The structure and placement of French clitic pronouns, University of London Ph.D. dissertation.
- [2] Cardinaletti Anna, Starke Michal (1999), The typology of structural deficiency: on the three grammatical classes, University of Venice Working Papers in Linguistics (UVWPL), Venice.
- [3] Grannes Alf (1984), Impersonal animacy in 18th century Russian, *Russian Linguistics*, Vol. 8 (3), pp. 295–311.
- [4] Grevisse Maurice, Goosse André (2008), *Le bon usage*. 14e édition, Editions De Boeck Université, Bruxelles.
- [5] Kibrik A.A. (2011), *Reference in discourse*, Oxford University Press, Oxford.
- [6] Klenin Emily (1983), Animacy in Russian: a new interpretation, Slavica Publishers, Columbus, OH.
- [7] Kreidlin G.E., Chekhov A.S. (1988), Sootnošenie semantiki, aktual'nogo členenija i pragmatiki v leksiko-grafičeskom opisanii anaforičeskix mestoimenij (na material mestoimenij gruppy TOT) [Interaction of semantics, topic / comment structure and pragmatics in the lexicographic description of anaphoric pronouns (on the example of TOT group of pronouns)], *Problemnaja grupa po eksperimental'noj i prikladnoj lingvistike. Predvaritel'nye publikacii* [Research group in experimental and applied linguistics preprints], Russian Language Institute, Moscow, Vol. 178.
- [8] Kryško V.B. (1994), *Razvitije kategorii oduševlennosti v istorii russkogo jazyka* [The development of the animacy category in the history of Russian], Lyceum, Moscow.
- [9] Letuchij A.B. (2015), Mestoimenija i oduševlennost' v russkix konstrukcijax s nulevoj svjazkoj [Pronouns and animacy in Russian zero copula constructions], Zimmerling A.V., Lyutikova E.A., Konoshenko M.B. (eds.), *Tipologija morfosintaksičeskix parametrov. Materialy meždunarodnoj konferencii* [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference], Volume 2, pp. 200–225, MPGU editions, Moscow.
- [10] Paducheva E.V. (1985), *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju* [Utterance and its relations with the real world], Nauka, Moscow.
- [11] Podlesskaya V.I. (2020), “A tot Perovskoj ne dal vlast' pospat’”: prosodija i grammatika anaforičeskogo tot v zerkale korpusnyx dannyx [“A tot Perovskoj ne dal vlast' pospat’”: prosody and grammar of the anaphoric tot (based on the corpus data)], *Kompjuternaja lingvistika i intelektual'nye tehnologii. Po materialam ježegodnoj meždunarodnoj konferencii “Dialog”* (Moscow, June 17-20, 2020) [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2020”], Volume 19 (26), pp. 628–643.
- [12] Testelefs Ya.G. (2003), Are there strong and weak pronouns in Russian?, *Formal Approaches to Slavic Linguistics #11: The Amherst Meeting 2002*, Michigan Slavic Publications, pp. 515–538.
- [13] Tsimmerling A.V. (2020), Oduševlennost'. Russkij jazyk [Animacy. The Russian language], *Trudy instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN* [Proceedings of Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences], Vol. 24, pp. 43–56.
- [14] Wust Valerie (2010), L2 French Learners' Processing of Object Clitics: Data from the Classroom, *L2 Journal*, Vol. 2, pp. 45–72.